

Юлия
БУЗАКИНА

Мой
РАЗВОД
с генеральным

Юлия Бузакина

Мой развод с генеральным

<https://litres.ru/74215589>

Аннотация

— Что интересного в телефоне? — Строго приподнимаю бровь. Сын виновато посматривает на меня. — Мам, я не виноват. Это Алиса. — Что такого может прислать сестра, с которой ты увидишься через пятнадцать минут? — удивляюсь я. Он мнетя пару секунд, а потом палит контору: — Она просила тебе не говорить, но... Ладно! У папы новая секретарша. — Папа решил обновить секретаря? — Под ребрами. что-то неприятно колет — Угу. Там такая фифа! Я не даю сыну договорить, выхватываю у него мобильник, а там...

В книге есть: властный герой, общие дети, эмоции на грани, местами с юмором, на пороге развод ♥# НОВИНКА "РАЗВОД НЕИЗБЕЖЕН" здесь

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	44
Глава 10	50
Глава 11	56
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	69
Глава 15	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1

Черный «Мерседес» с личным водителем медленно везет нас по городу. Я нервничаю. Сегодня все не по плану. Почему-то вместо Аркадия Петровича в аэропорт за нами приехал новый начальник службы безопасности строительного концерна. Он смахивает на Кевина Костнера из старого фильма «Телохранитель» и жутко меня раздражает. На глазах у него черные очки от солнца, а я не люблю, когда люди скрывают свой взгляд. И еще этот стильный черный костюм, галстук — ни дать, ни взять агент национальной безопасности. Ведет машину с непроницаемым лицом, и такое ощущение, что ему заплатили за рекламу тех самых очков от солнца.

— Мам, смотри, вон папин бизнес-центр! — Макс с переднего сиденья с гордостью указывает мне на серую глыбу в самом центре огромной площади.

Я выглядываю из окна. Мне хочется поскорее увидеть бизнес-центр, которым владеет мой муж Игнат Бакаев.

Величественное сооружение встречает нас взрывающимися струями фонтанов у входа.

— Удивительно, что фонтаны еще работают! — улыбаюсь я.

— Наверное, папа попросил оставить их для тебя, он же знает, что сегодня мы возвращаемся домой! — высказывает

предположение сын. Ему четырнадцать, и юношеский максимализм дает о себе знать.

— А мне кажется, фонтаны забыли выключить из-за обычной халатности, — жалит ядом сидящая рядом со мной на заднем сиденье свекровь. Она успела пожить на этом свете, и максимализм внука ее забавляет.

«Что ж, Рената, добро пожаловать домой», — натянуто улыбаюсь про себя. Что поделать? Родителей мужа не выбирают.

Я рада, что две недели в санатории, куда определили на лечение мою свекровь Фриду, подошли к концу и можно вернуться к работе. Когда лечащий врач категорично заявил, что после похорон мужа Фриде требуется подлечить нервы в санатории, мой дорогой супруг без зазрения совести выписал мне двухнедельный отпуск и отправил ухаживать за его матерью. Игната можно понять: моя должность ничто по сравнению с его нагрузкой. Вот я и согласилась. Заодно прокачала свои навыки: за две недели прошла крутой курс обучения для архитекторов, занимающихся дизайном интерьера. Теперь я готова приступить к работе.

Но сначала нас ждет обед в ресторане «Встреча на Эльбе». Ресторан расположен на самом высоком этаже двадцатиэтажной башни, и из его окон город видно как на ладони. Встреча семьи после долгой разлуки, все такое. Столик забронирован, и я уверена, мужу будет о чем рассказать нам за обедом. А уж как его заболтает мать! Фрида все время

болтает без умолку. Говорит, что придет в голову, без разбора, и порой остановить этот словесный поток практически невозможно. А еще она язва. Обожает обидно шутить и резать правду-матку в лицо (вернее, не совсем правду, а то, что ее изощренный разум принимает за правду).

Сын утыкается в свой смартфон, с кем-то увлеченно переписывается.

— Что интересного в телефоне? — Строго приподнимаю бровь. Нет, в самом деле, Максим ведь знает, как я не люблю, когда он залипает в мобильном, особенно, после двух недель разлуки!

— Мам, это Алиса, — виновато посматривает на меня сын. — Я не мог не ответить.

— Что такого может прислать сестра, с которой ты увидишься через пятнадцать минут? — удивляюсь я.

Алиса — родная дочь моего мужа. Ей восемнадцать, и у нас с ней весьма непростые отношения.

Макс мнетя пару секунд, а потом палит контору:

— Она просила тебе не говорить, но... Ладно! У папы новая секретарша, — сообщает заговорщицким тоном.

— Папа решил нанять нового секретаря? — Под ребрами что-то неприятно колет.

— Угу. Там такая фифа, мам! Я б ей вдул, честное слово...

Свекровь смешливо морщится, причмокивает губами.

Я не даю сыну договорить, выхватываю у него мобильник, а там...

Глава 2

...Фото новой секретарши красуется на весь экран.

«Хм. Надо же...»

Чувствую, как портится настроение. Фифа будто пару минут назад сошла с экрана. Кажется, ее по последнему слову моды слепил пластический хирург. Все при ней: губы на поллица, грудь как минимум третьего размера, а пятая точка...

— Вот это по-пе-е-нь! — нараспев выдает свекровь, и я не знаю, куда деть глаза от такого откровенного возгласа.

Даже суровый начбез не может сдержатъ любопытство. Приспускает активно рекламируемые очки, кидает взгляд на экран, и я замечаю, как у него загорается взгляд.

— Кхм... это фотошоп, что ли? — Не веря, что ягодичцы могут быть такого объема, я таращусь на экран навороченного мобильника Макса.

— Не, мам, скорее, изнурительные тренировки в спортзале и правильная диета. — Макс тоже никак не может оторвать взгляд от пятой точки новой сотрудницы, аж слюни текут. Ну это-то понятно, в его четырнадцать, а Игнату это воплощение юношеских фантазий для чего? В его сорок девять держать рядом такое немного опасно.

— Не понимаю... Чем отца не устраивала Лидия Ивановна? Делопроизводство она вела безупречно? — сокрушаюсь я.

— Мам... ну, может, тем, что Лидия Ивановна через два года выходит на пенсию? При папином статусе это даже не смешно — иметь такого секретаря.

Начбез сосредоточенно следит за дорогой, но его губы кривятся в едва заметной усмешке.

Жалю его взглядом. Не понимаю: что смешного я сказала?

— Не мог же отец уволить Лидию Ивановну? Она с ним фактически с основания компании!

— Алиса пишет, что папа перевел ее в отдел кадров. Ему для статуса нужна другая модель. Лидия Ивановна устарела.

«Устарела», — неприятно бьет по нервам. Я хмурюсь.

— Что значит «устарела»?

— Мам, ну как ты не понимаешь?! Папа — бизнесмен высокого уровня! Он с зарубежными партнерами работает. Рядом должна быть стильная и модная секретарша, на зависть партнерам.

— Рядом должна быть верная жена, а не секретарша! — сердито цежу я.

Свекровь ехидно усмехается и подчеркнуто смотрит в окно (вот же язва!), а я возвращаю Максу мобильник.

— Мам, ну ты что? Жена — дома, а в офисе — красивая ширма для отвода глаз, понимаешь? Так правильно. Да и не твой это статус — в роли секретарши рядом с папой париться.

Я невесело улыбаюсь. Хоть насчет статуса сын все понимает правильно.

Такси везет нас в ресторан, а я погружаюсь в тревожные мысли. «Спасибо, Алиса, ты, как всегда, на высоте, не изменяешь традиции!» — шлю мысленный посыл падчерице. Приподнятое настроение мгновенно сдувает декабрьским ветром, и даже струи фонтана, сверкающие в солнечных лучах, больше не радуют. Они отравлены едким замечанием свекрови.

Мой муж Игнат Бакаев — генеральный директор строительного концерна «Золотой Век».

Я по профессии архитектор, и мои навыки в области графики, рисунка, композиции не знают границ. Бизнес-центр, в котором разместился офис концерна, был построен по моему проекту. Все важные городские мероприятия проходят в стенах нового здания. Могу с уверенностью сказать, что в свои тридцать пять я — королева архитектуры и дизайна нашего маленького городка.

Строит «Золотой Век» много. Болгария, Казахстан, Белоруссия — у нас везде есть клиенты. Запросы на интерьерные решения в моем отделе никогда не заканчиваются.

Надо же, я всего на пару недель исчезла из жизни мужа, и вот, привет! Он нашел яркую «ширму» с увесистой пятой точкой.

«Мерседес» плавно притормаживает у ресторана «Встреча на Эльбе».

Водитель заезжает на парковку и поворачивается к нам. — Кажется, прибыли, — браво произносит он. — Ваш ба-

гаж доставлю домой в целости и сохранности.

— Не вздумай украсть мои сувениры! — подняв крючковатый палец вверх, дребезжит свекровь.

— Спасибо... э-э-э... — Я вдруг понимаю, что забыла, как зовут нового начбеса, и от этого становится неловко.

— Михаил. — Он широко улыбается белоснежной улыбкой. — Михаил Вологодский.

— Да. Спасибо, Михаил, — сдержанно киваю. С сотрудниками концерна и с нашим персоналом, который помогает содержать огромный дом, я всегда любезна. То, что меня раздражает новый сотрудник, не значит, что я изменю своей традиции.

Мы с Михаилом первыми выходим из машины, и меня тут же обжигает холодным ветром. Макс помогает бабуле выбраться с заднего сиденья, а я кутаюсь поплотнее в свою шубку. Похоже, глобальное потепление отменяется. Впереди зима.

— На кой ляд вы меня сюда привезли?! — ворчит свекровь. — Почему нельзя было сразу отправить меня домой?!

— Бабушка, не распространяй негатив! Ты же две недели провела на курорте, должна была напитаться позитивными вибрациями! — хмурится Макс.

— Я и напилась! — ворчит язва. — Теперь хочу домой!

Я лишь качаю головой. Накануне Игнат приказал, чтобы его мама тоже была на семейном обеде, а приказы главы семьи никто не обсуждает, их выполняют.

Мы с Максом подводим Фриду к стеклянному лифту, который несет нас на самый верх, к тому самому круглому столу, за которым проходят все важные события в нашей семье. Такова традиция Бакаевых, она сложилась давно, и мы ее не нарушаем.

— Сейчас лифт оборвется, и нам всем кирдык! — брызжет ядом Фрида. — Мне-то все равно, я свое пожила, а вот тебя, Максик, жалко! Не успеешь свою свистелку пристроить к горячей попке папкиной секретутки!

Максим закатывает глаза к потолку.

— Ба, заканчивай! С лифтом все в порядке.

Я молчу. Мне не хочется ввязываться в бессмысленный разговор. Двух недель в санатории хватило с лихвой.

Одетый с иголочки официант приносит меню.

— Желаете что-нибудь заказать? — подчеркнуто вежливо интересуется он.

— Бутылку минеральной воды, — просит Макс.

— Я буду чай с облепихой, — чеканит Фрида.

— А мне, пожалуй, чашку кофе. Остальное закажем после того, как дождемся остальных, — подхватываю я.

Официант кивает и уходит. Вскоре нам приносят заказанные воду, чай и кофе.

Я посматриваю на часы. Начинаю тревожиться. Мы договорились пообедать в час дня, уже почти половина второго. Почему Игната и Алисы до сих пор нет?

Мои дорогие читатели, добро пожаловать в новую исто-

рию!!!

ВИЗУАЛЫ

ФРИДА, язвительная свекровь

Рената, главная героиня, 35 лет

Муж Ренаты Игнат, 49 лет

Михаил Володарский, начбез, который жутко раздражал Ренату, 37 лет

Детки: любимый сын Ренаты и Игната Максим, 14 лет

Падчерица Ренаты, Алиса 18 лет

Ну, что, поехали? ♥# ♥# ♥#

Глава 3

В моем телефоне высвечивается звонок от моего заместителя и хорошей подруги Карины Веденеевой.

— Рената, душка, с приездом! — воркует она. — Готова впихивать? У нас без тебя завал!

— Спасибо, Кариночка! Жду не дождусь, когда сяду в свое рабочее кресло и начну творить, — улыбаюсь я. Да, свою работу я люблю.

— Ты вечером идешь на банкет?

Я настораживаюсь.

— На какой банкет?

— Наверное, Игнат Маратович еще не успел тебя осчастливить, — озадаченно произносит она. — В общем, я тут подслушала разговор в приемной. Сегодня в восемь вечера в ресторане «Шик» наш генеральный устраивает небольшой сабантуйчик для своих в честь твоего возвращения! Он попросил начальницу финотдела помочь выбрать для тебя подарок. Ты же знаешь, они дружат. Вот он и попросил тайком от всех приобрести для тебя подарок, а ее заместитель Нина случайно увидела приобретение. Она его даже сфотографировала. Коробка подписана: *«Спасибо за детей, любимая!»*.

— Что за подарок? Не томи! — мои глаза горят огнем предвкушения.

— Там кольцо с бриллиантами! Нина прислала нам фото. Там такое кольцо — закачаешься! Хочешь, пришлю картинку?

— Нет. — Я чувствую, как колотится мое сердце. Узнаю наш любимый отдел! Ух, как там любят перемывать друг другу кости! Ничего удивительного, что тайный подарок случайно попался на глаза Нине. Она та еще сплетница. Конечно, не удержалась и сделала фото, а потом отослала всем подружкам в тайный чат. Ничего нового.

— Не надо, Карина. Пусть это будет сюрприз. Надену свое новое вечернее платье с глубоким декольте, — рассуждаю с волнением.

Но очень странно, что Игнат накануне мне ничего не сказал. Даже не намекнул, что меня ждет вечеринка «для своих». Он вообще был строгим и сдержанным. Это неудивительно: у мужа много работы, любезничать ему попросту некогда. А подарок я заслужила, как никто другой. Дети у нас с Игнатом замечательные.

— В общем, встретимся завтра утром в отделе. Буду тебя ждать с подробностями, — с придыханием сообщает Карина. — Не забудь сделать селфи с подарком на шее!

Я улыбаюсь. Чувствую, она соскучилась.

— До встречи в восемь, дорогая! — Я отключаюсь.

Проходит еще двадцать минут, но ни Алисы, ни мужа рядом с нами не появляется. Официант неуютно топчется поблизости, все ждет, когда мы сделаем заказ.

— Макс, напиши сестре. Спроси, не забыла ли она о нашем обеде, — прошу сына.

Тот кивает, начинает набирать сообщение.

— А я говорила: нечего нам делать в этом ресторане! — сверля раздраженным взглядом официанта, громко произносит свекровь.

Я нервничаю. Надо все же позвонить Игнату. Может, он забыл, что забронировал столик?

Набираю его номер. Длинные гудки. А потом резкое:

— Да, я слушаю. — Женский голос. Я чувствую, как горло медленно перехватывает спазмом. Думаю, может, ошиблась номером? Но нет! Это номер Игната.

— Могу я услышать Игната Маратовича? — произношу холодно.

— Игнат Маратович сейчас занят.

— А с кем я разговариваю?

— Я его личный помощник, Виктория.

Личный помощник? Ого! Это что, новая должность в нашей компании? Прежде такого не было.

— А кто разрешил вам отвечать на личные звонки генерального директора, Виктория? — чеканю ледяным тоном.

— Простите, а с кем я разговариваю? — звучит весьма увесистый ответ.

— А разве в телефоне не высветился номер?

— Высветился.

— Тогда к чему вопросы?

— Я не могу знать, кто такая Ясное Солнышко. Представьтесь?

Осторожно выдыхаю. В груди разливается тепло. Я и не знала, что у мужа в телефоне записана под таким именем. Хотя что-то приятное.

Смягчаюсь:

— Виктория, я жена Игната Маратовича, Рената. Пожалуйста, передайте Игнату Маратовичу, что семья ждет его в ресторане «Встреча на Эльбе» уже тридцать минут.

— Игнат Маратович на совещании, оно затягивается. Как только он выйдет, я обязательно ему передам. Спасибо, что позвонили. Концерн «Золотой Век» строит для вас.

Короткие гудки. А у меня почему-то дрожат руки. Что произошло за последние две недели? Каким образом королева дизайна Рената упустила тотальный контроль над ситуацией? Почему мобильный телефон, к которому запрещено прикасаться даже мне, внезапно оказался в полном доступе у странной девицы с огромной задницей, занявшей не менее странную вакансию личной помощницы?

— Мам, Алиса вне доступа сети... — Макс пожимает плечами.

— Возмутительно! — Я сощуриваю глаза. Мы с сыном и свекровью тащились в ресторан из аэропорта исключительно ради встречи с Игнатом и Алисой! Такова традиция семьи. Этой традиции много лет, и я не понимаю, почему вторая половина нашего семейства внезапно так грубо ее нарушила

без предупреждения?

В итоге мы сидим за столом вдвоем, погрузившись в тотальное молчание. Такое происходит впервые за пятнадцать лет семейной жизни, и мне это совсем не нравится.

— Да не переживай, мам! Папа, наверное, заработался, вот и упустил тот факт, что мы уже в городе, — успокаивает меня Максим.

— Еще бы ему не заработать, с такой увесистой задницей под боком! — ухмыляется свекровь.

Глава 4

Я вспыхиваю:

— Игнат не такой!

— Милая, все мужчины изменяют своим женам, запомни это! Просто одни ведут себя, как идиоты, палятся, разводятся, а другие... — Ее усохшие губ трогает садистская улыбочка. — Другие нанимают личных помощниц с увесистой попой. Все старо как мир. Вот увидишь, эта пигалица скоро займет твое место!

Я отвожу взгляд. Сердце неприятно сжимается. Игнату сорок девять лет. Неужели тот самый «бес в ребро», которым пугают всех замужних женщин, уколол и его?

«Нет, Рената. Игнат порядочный семьянин! Для него нет ничего дороже семьи, — пытаюсь успокоить себя. — А свекровь просто любит молоть чушь, только и всего».

Да и мне только тридцать пять. Я прекрасно выгляжу, держу марку. Это Игнат меня ревнует к клиентам нашего концерна. Вряд ли за пару недель мы успели поменяться ролями.

— Короче, мне надоело ждать! От чая у меня началась изжога. И вообще, я сейчас упаду в голодный обморок, — бормочет Фрида. — Эй, юноша, поди-ка сюда!

Официант услужливо подходит к нашему столику.

Свекровь громко озвучивает свой заказ. Не скупится, берет из меню самое дорогое: какой-то заморский суп с морепродуктами, теплый салат с телятиной и фирменный пирог с вишней на десерт.

Я медленно цежу свой кофе. Сдерживаюсь, но ее неуважение к Игнату иногда поражает. А ведь он — ее единственный сын. После смерти отца Игнат даже позволил Фриде ненадолго переехать в наш дом. Кстати, с тех пор прошло полгода, но она не торопится выезжать обратно в свою загородную резиденцию.

Мое внутреннее напряжение достигает пика, и тут я замечаю в стеклянном лифте профиль Игната. Муж в стильном сером пальто нараспашку, на шее у него подаренный мной шелковый платок, который идеально оттеняет цвет его глаз. Не мужчина — мечта! И седина его нисколько не портит. Если сравнить фото, где он в двадцать восемь лет и сейчас, «сейчас», несомненно, круче.

Игнат замечает нашу компанию, и его суровое лицо освещает улыбка.

У меня такое ощущение, будто я сбросила с плеч тяжелые гири и наконец могу спокойно дышать.

— А вот и папа! — Толкаю коленом Макса под стол.

Тот оживляется, выныривает из моби́льника.

— Наконец-то! Я уже думал, нам придется есть в одиночестве.

Игнат с цветами. В руках у него два букета. Пышные крас-

ные розы получаю я, а оранжевые — его мать.

— С приездом, мои дорогие! — Он целует нас по очереди, снимает пальто, садится рядом со мной и подзывает официанта.

— Ну как прошел отпуск?

Свекровь морщится.

— Отвратительно! Еще ни разу в жизни отпуск не был таким нудным! Там даже не наливали коньяк! А танцы? Никто не устраивает танцы после ужина... Куда катится этот мир?!

Игнат понимающе накрывает мою руку своей теплой и большой ладонью.

— Мам, тебе восемьдесят один. О каких танцах идет речь?

— Как?! Как, скажи на милость, мне найти нового мужа, если эти лентяи дерут втридорога за путевки, а сами ленятся устроить танцы после ужина?!

— Мама-а-а! — стонет Игнат.

Макс прячет взгляд, но его губы дрожат в беззвучном смехе. Я тоже улыбаюсь. Умеет же Фрида добавить перчинку в скучный семейный обед!

— А где Алиса? — спохватывается муж.

— Вне доступа... — Сын пожимает плечами.

Игнат смотрит на время, поглаживает мою руку своей теплой, шероховатой на ощупь ладонью, и я улыбаюсь ему в ответ.

— Что ж, если она опаздывает на сорок минут, это ее про-

блемы. Давайте уже поедим. Я жутко голоден.

Обед проходит без особых происшествий. Игнат предупредителен, вежлив, не спускает с меня глаз — видно, что соскучился. Алиса так и не появляется. Впрочем, ничего удивительного: ее обычное поведение — навести шороха, всех взбудоражить, а потом не явиться на семейный обед.

Я расслабляюсь. Все, как обычно, но... Но маленькая червоточинка все же царапает глубоко внутри: муж ничего не говорит о вечере «для своих» в ресторане «Шик».

«Наверное, не хочет говорить при маме», — успокаиваю себя я.

После обеда Игнат везет нас домой на своем черном внедорожнике «Мерседес-Бенц».

— Мам, я к пацанам! — Макс едва успевает бросить рюкзак в холле, в одно мгновение переодевается в модные шмотки и уже стоит у выхода. Вижу по его горящим азартом глазам, что после двух недель разлуки ему не терпится увидеться с друзьями.

— В одиннадцать вечера, пожалуйста, будь дома, — прошу его.

— Конечно, мам! Не скучай! — И Макс, чмокнув меня в щеку, растворяется в закате.

Свекровь, всем своим видом излучая недовольство, удаляется в свою спальню в правом крыле дома. Ей не терпится позвонить подружкам и поделиться «ужасными» подробностями элитного отдыха в самом лучшем санатории на побе-

режье.

Игнат бегло целует меня в губы и закрывается в своем рабочем кабинете: он не успел отправить какие-то документы, и ему необходим компьютер.

Я отправляюсь в столовую — сердце нашего дома. Первым делом нахожу хрустальную вазу и ставлю в нее пышный букет красных роз. Цветы украшают большой обеденный стол, и от этого приятно на душе.

Принимаю с дороги душ, переодеваюсь в светлое шерстяное платье и выхожу в огромный холл нашего просторного и светлого дома. Как же хорошо вернуться домой! Здесь все создавала я. Каждая мелочь, каждый угол дышат уютом и красотой.

— Рената, — слышу голос Игната. Поднимаю голову и вижу, что он стоит наверху. Галстука нет, верхние пуговицы на белоснежной рубашке расстегнуты. Любуюсь мужем несколько мгновений. Как же он красив!

Глаза Игната светятся озорством. Он молча указывает мне на дверь своего кабинета, и сердце сладко сжимается: приглашает на романтик. Мы часто так делали, пока росли дети. Укладывали их спать, а потом запирались в его кабинете и... Да, было хорошо!

Улыбаюсь. Сердце сжимается от волнения. «Сейчас он подарит мне кольцо и скажет, про вечер»

Поднимаюсь по лестнице, заглядываю в кабинет...

Глава 5

Игнат уже успел открыть шампанское и разлить его по хрустальным бокалам.

Я прикрываю плотно дверь, поворачиваю замок, запирая ее изнутри.

— С возвращением, любимая! — Муж притягивает меня к себе, мягко целует в губы. Один взгляд на кожаный диван в углу кабинета заставляет меня вспыхнуть. Как много воспоминаний о том, чем мы здесь занимались! От них по коже летят мурашки. Все мое тело наполняется сладкой негой в предвкушении.

Губы Игната властно скользят по моей шее, пальцы перебирают мои волосы, рассыпавшиеся тяжелой медной волной по плечам.

— Спасибо, что взяла на себя маму. В последнее время ее бестактность не знает границ, — шепчет он.

— Да уж, она умеет подлить масла в огонь! — Я невесело усмехаюсь. — Жду не дождусь, когда она вернется в свою резиденцию.

— Вернется, обещаю... Только переживет горе утраты, и мы отправим ее обратно... О, как же я соскучился... — шепчет он. Вдавливает меня в стол, потирается бедрами, давая почувствовать твердость в брюках, и я таю, разливаюсь сладкой патокой в его объятиях. В последний момент стряхиваю

сладкий морок. Нельзя терять контроль еще больше!

Обвиваю руками крепкую шею мужа. Ладони скользят по его груди, прощупывая под тканью белоснежной рубашки каждый твердый мускул.

— Игнат, у нас на работе перестановка кадров? — интересуюсь осторожно.

— Да, есть немного... — выдыхает он мне в губы. — Пришлось взять личного помощника. Ты ведь знаешь, у Лидии Ивановны давление, ей лишнего не дашь, боишься, что она не справится, а бизнес диктует свои жесткие условия.

Что ж, логично. Не придерешься.

— И как работается с новым помощником? — шепчу ему на ухо следующий вопрос.

— Отлично, милая! Ты даже не представляешь, как много дел она взяла на себя! Я впервые вздохнул свободно. Надо было нанять ее раньше.

— Игнат, ты разрешил ей отвечать на личные звонки? Я сегодня тебе звонила, вместо тебя ответила какая-то Виктория. Мне было неприятно.

— Кхм... — Муж на миг тушется. — Недоработка. Завтра же предупрежу ее, чтобы не смела это делать.

Он усаживает меня на край стола, ласкает, и с моих губ срывается предательский стон. Игнат втирается между моих ног, бесстыдно задирает платье. Я готова потерять контроль, ведь две недели разлуки — это очень много. Но вдруг вспоминаю о колье. Почему-то мне его не дарят, а еще не зовут

на вечеринку «Для своих».

Что ж, проверим.

— Сходим куда-нибудь сегодня вечером? — шепчу тихонько, упираясь ладонями в мощную грудь мужа, и пронизываю его внимательным взглядом.

Но Игнат не слышит. Его захватил процесс. Несколько мгновений я борюсь с его страстью. Это нелегко: Игнат на взводе и готов исполнить супружеский долг прямо на рабочем столе.

Поднимаю глаза и вижу ЭТО. Розовое пятно на внутренней стороне его безупречной белоснежной рубашки. Вижу всего миг: в дверь начинают громко стучать.

— Игнат, ты здесь? — скрипучий голос Фриды заставляет меня вздрогнуть от неожиданности.

Муж недовольно хмурится, целует меня в губы и быстро застегивает пуговицы на рубашке. Идет к двери, отпирает замок.

Я каменею. Кажется, мое сердце перестало биться. Что это было? Мне показалось? «Нет, не показалось!» — кричит сознание.

— Игнат, у меня сломался телевизор! Пульт не работает. — Свекровь входит в кабинет моего мужа так, будто этот дом — ее собственная резиденция. Испытующе смотрит на меня, фыркает.

— Рената, не сиди на столе! Сидеть на столе — плохая примета! — дребезжит она.

— Мама, когда ты прекратишь бесцеремонно вламываться в мой кабинет?! — Игнат зловеще изгибает бровь. — Неужели тебе неизвестно понятие «личного пространства»?!

— Я твоя мать! Я тебя родила. О каком личном пространстве ты говоришь?!

— Я прошу тебя не нарушать границ!

Игнат поворачивается ко мне.

— Прости, дорогая, я помогу маме и вернусь. Выпей пока шампанского. — Он вручает мне бокал, а потом берет мать под локоть и выводит ее из кабинета.

Я передергиваю плечами и на автомате соскальзываю со стола. В голове шумит.

Я никогда не пользуюсь розовыми помадами. У меня волосы приглушенного медно-рыжего оттенка, и я использую помады беж, персиковый, в крайнем случае — кофейные оттенки. Розовыми помадами я не пользуюсь.

«Может, Фрида?» — летят сбивчивые мысли, пока муж беседует с матерью в холле. С нее станется. У нее помад больше, чем в отделе косметики центрального универмага! А Игнат ее целовал в щеку, когда мы были в ресторане.

Какая у нее была помада? И была ли вообще? Честно говоря, свекровь так меня достала, что я даже не обратила внимания на ее макияж.

Набираю сына.

— Мам, что произошло? — неохотно отзывается мой любимый малыш. Судя по грохочущей на заднем фоне музыке,

малыш быстро растёт.

— Макс, вспомни пожалуйста: когда мы ехали в ресторан, у бабушки были накрашены губы?

Глава 6

Несколько мгновений сын молчит: видимо, пытается вспомнить.

— Не помню, мам. Я сидел впереди, — наконец выдает он. — А это важно?

— Очень важно, Максик. Вопрос жизни и смерти.

Очень хочется добавить: «твоего отца», но я сдерживаюсь.

— Не помню... Мне кажется, она была без помады. Но постой! Потом, когда она заказывала обед, она доставала пудреницу. Пудрила лицо, точно. А вот помада...

— Если вспомнишь, позвони, пожалуйста.

— Хорошо, мам. Люблю тебя, пока!

В трубке слышатся короткие гудки.

Я растерянно оглядываюсь по сторонам.

Подол платья жутко воняет шампанским. Просто не дает спокойно вдохнуть. «Надо переодеться», — решаю я и направляюсь в нашу с Игнатом спальню. Достаю из гардероба свободное платье нефритового цвета в стиле бохо.

Едва успеваю переодеться, как на пороге появляется Игнат.

— Рената, меня вызвали на работу. На одной из стройплощадок случилась авария: прорвало трубы, когда запускали отопление. Я мчусь на объект, буду поздно.

Он достает из гардероба стильный костюм, расстегивает

на ходу пуговицы на рубашке, срывает ее со своего крепкого торса и бросает на постель.

Я не шевелюсь. Он переодевается, а я тяну руку к его рубашке, чтобы еще раз увидеть пятно от помады, но муж вдруг поднимает на меня взгляд, выхватывает рубашку у меня из-под носа и небрежно комкает.

— Не стоит волноваться, я сам положу рубашку в стиральную машинку. Тебе надо немного отдохнуть, дорогая. Прости, что все так скомканно вышло в моем кабинете. Обещаю, как только я вернусь домой, мы закроемся в спальне, и я буду любить тебя до самого утра.

Я стою перед ним в длинном нефритовом платье и не шевелюсь. С каких это пор Игнат готов сам положить рубашку в стиралку?

Муж поправляет пиджак, подходит ко мне и небрежно целует в губы. Меня обдает терпким мужским парфюмом.

— Кстати, ты не могла бы позаботиться об ужине? Две недели без нормальной домашней еды — тяжелое испытание! Не могу больше есть эти салаты из пластиковых коробок, которые покупает моя новая помощница.

— Постараюсь приготовить что-нибудь вкусное, как ты любишь, — киваю натянуто.

Игнат хлопает дверью. Я подхожу к окну спальни, из которого отлично видно, как мой муж в пальто нараспашку садится в свой «Мерседес» и отъезжает от дома.

Ни слова о сабантуйчике «для своих» в честь моего воз-

вращения. Только авария на одном из объектов.

Что-то екает в груди, и я срываюсь с места. Бегу в его кабинет, открываю ящик стола, надеясь увидеть то самое кольцо, но там пустота. Только стопка бумаги «Снегурочка» одиноко лежит на дне ящика. Дергаю остальные ящики, но... кольцо и там нет.

Медленно сглатываю. Ощущаю себя маленькой девочкой, потерявшейся в незнакомом месте. Кажется, еще немного, и я расплачусь от ощущения собственной беспомощности. Меня охватывает то самое чувство, когда твои друзья решили устроить вечеринку года, позвали всех, а о тебе намеренно забыли. Противно и некомфортно.

Вспоминаю о его рубашке. Тороплюсь вниз, к стиральной машинке, установленной в одной из ванных комнат.

Увы, Игнат действительно успел поставить ее на стирку перед выходом. Уже всю взбита пена, а режим выставлен такой, что до самого конца барабан не открыть. Прижимаю руки к груди, закусываю губу. Такой беспомощной я себя еще ни разу не чувствовала. И дураку понятно, что муж уничтожил следы преступления. Для этого даже не обязательно извлекать рубашку из стиралки.

Хлопает входная дверь. В холле появляется Алиса, взбалмошная, ярко накрашенная, в какой-то безумно короткой кожаной мини-юбке, коротенькой норковой шубке и в сапогах на очень высокой платформе.

— Да-да-да, я помню! — слышу ее болтовню в трубку. —

В ресторане «Шик», в восемь. Кодовое слово — «Кошечка».

Сердце обрывается и летит куда-то вниз. Больно бьется о ребра и разлетается на тысячу осколков.

Я понимаю, что меня не позовут на банкет, который устраивают в ресторане «Шик».

— Мама Рената, с приездом! — Улыбка озаряет хорошенькое личико Алисы, а я снова настораживаюсь: слишком наигранный ее восторг по поводу моего возвращения из санатория.

— Прости, что меня не было на семейном обеде: возникли дела. Я видела отца, он просил, чтобы ты приготовила нормальный ужин. Он будет поздно, кстати.

— А ты куда собралась? Тебя весь день не было дома. — Пронизываю ее холодным взглядом.

— У меня туса с подружками. Сегодня веселимся до утра!

— По какому, интересно, поводу, может быть вечеринка в понедельник вечером?

— А для тусовки не нужен повод. Было бы желание и деньги на выпивку. — Она невинно улыбается. — Не забудь про ужин: папа не любит, когда в доме нечего есть.

Падчерица взбегаёт по лестнице и закрывается в своей комнате.

Я медленно сажусь на диванчик в холле. Таращусь в стенку. Никак не могу поверить, что меня слили с банкета. А новые подробности из жизни мужа совсем не радуют. «Может, Карина все не так поняла? Может, не будет никакого сабан-

туйчика «Для своих»?» — лихорадочно пытается сгладить острые углы мой мозг.

— Мама Рената! — громко зовет меня Алиса. Мелькает на лестнице, на том месте, где еще недавно стоял мой любимый мужчина.

— Что? — Не успеваю обернуться, как мне на голову летит ворох грязных вещей.

— Вот, это накопилось у меня за время твоего отсутствия. Отправь, пожалуйста, в стирку, а то мне некогда.

— Фу!

Я брезгливо отбрасываю от себя майку, в которой, судя по запаху, Алиса занималась на тренажерах в фитнес-центре.

Мерзавка победно улыбается и успевает улизнуть практически в мгновение ока. Запирается в своей комнате и врубает музыку. Какой-то моднявый блогер мяукает писклявым голосом модную песню так громко, что у меня, кажется, вот-вот лопнут барабанные перепонки.

Грязные шмотки Алисы разбросаны по полу. Музыка бьет по голове все сильнее.

Я стою посреди беспорядка и чувствую, как темнеет в глазах от ярости.

«Ах ты, дрянь!» — мелькает злое.

Отбросив ногой в сторону одно из платьев, я выхватываю воняющую потом майку падчерицы и уверенно поднимаюсь по лестнице.

Глава 7

Дергаю ручку, но за дверью у Алисы своя жизнь. Ей плевать на остальных жильцов этого дома. На меня вдвойне плевать.

Из своей спальни выползает Фрида. Она в маске из кружочков огурца, на голове тюрбан из полотенца, а длинный светлый халат из санаторской гостиницы ей слишком велик и волочится по полу.

— Что за звуки?! Где режут кота?! — перекрикивая музыку, верещит она.

Я вдруг понимаю, что она стащила халат из санатория.

«Какой стыд... какой позор!» — сокрушаюсь мысленно. Ведь нашу семью в санатории отлично знают! Мы — клиенты под знаком «VIP», а тут халат увезли с собой в чемодане!

— Так кого режут?! — Фрида трясет меня за плечо.

— Никого. — Высвобождаюсь из плена ее цепких пальцев. — Это музыка.

— Му-у-узыка-а-а?! — Свекровь округляет глаза. Выглядит она весьма комично — с кружочками огурца на лице, жирно намазанном чем-то белым, в тюрбане из полотенца на голове и длинном халате Фрида похожа на египетскую мумию.

Я выдыхаю, возвращаюсь к двери, за которой торжествует падчерица, и дергаю ручку. Ручка на двери комнаты, кото-

рую занимает Алиса, успела слегка расшататься, да и дверь тоже ходит ходуном от постоянных хлопков в отсутствие Игната. Тяну на себя сильнее, и мне удастся зацепить ручку за выемку в углу стены. Теперь снаружи дверь, которая открывается толчком внутрь, не открыть, даже если очень захочется.

Замуровав негодницу в комнате, я быстро спускаюсь вниз, на цокольный этаж. Там у нас щиток, в котором электричество разделено на ячейки. Второй этаж вырубается одним щелчком.

Щелчок — и музыка затихает. Второй этаж остался без света.

С удовлетворением выдыхаю и распрямляю плечи. Пусть теперь попляшет взаперти, раз такая умная! У нее один выход: спуститься через окно второго этажа. А это весьма проблематично: у нас на крыше скользкая черепица.

— Эй!.. — слышится растерянный вопль из-за двери. — Кто-нибудь!

Алиса бьется в дверь, но ручка намертво зацепилась за угол стены.

Фрида озадаченно вертит головой по сторонам.

— Рената, мне кажется, или кто-то зовет на помощь?

— Нет, мама, вам показалось.

Я кладу руки ей на плечи и мягко направляю в сторону спальни.

— Когда там начинается ваше любимое реалити-шоу?

— Через десять минут! — спохватывается Фрида.

На первом этаже есть свет, а спальня моей драгоценной свекрови именно там.

— Эй! У меня заклинило дверь! Я забыла мобильник в сумочке в холле! Кто-нибудь-у-у-удь! — надывается Алиса.

Я подхожу к сумочке Алисы, что осталась в холле, достаю мобильник, смотрю на экран. Там висит сообщение: *«Не забудь маску, киска»*.

Заглядываю в сумку и вижу там черную маскарадную маску.

«Ничего себе, собантуйчик «для своих»! Как в закрытом клубе для участников какой-нибудь секты», — размышляю изумленно.

«Может, у Алисы своя вечеринка? Но ведь время и название ресторана сходятся? А значит, падчерица в курсе того, о чем не уведомили меня?»

— Откройте! Пожалуйста... Помогите, я боюсь темноты, а скоро стемнеет! — Алиса барабанит в дверь кулаками.

В спальне свекрови громко работает телевизор. По центральному каналу транслируют шоу для тех, кому далеко за тридцать. Да и глуховата Фрида на оба уха. Не слышит вопли хамоватой внучки.

Может, в другое время я бы почувствовала облегчение, но нет, у меня такое ощущение, что я стою на пепелище своей семейной жизни. Огни тлеют, обжигают мои ступни, и от этого очень больно. Но еще больнее от мысли, что я останусь

дома и начну готовить мужу ужин.

«Салатики надоели, да, дорогой? Изжогу вызывают?» — произношу про себя с издевкой. Чувствую, как сгораю в агонии. Я ведь его люблю! Люблю этого мерзавца! А он со мной вот как? У него вечеринки «для своих» с маскарадными масками и паролями, а мне отведена роль повара, чтобы, когда любимый муж насытится другими женщинами и проголодается, вернулся домой на поздний ужин?!

Подхожу к зеркалу в холле. Примеряю маскарадную маску, найденную в сумке падчерицы.

А что? Мне идет. Такая рыжая бестия-инкогнито, готовая заманить в свои сети.

Решение приходит мгновенно. Я еду на сабантуйчик «для своих» вместо Алисы. Это не обсуждается! И кодовое слово у меня есть, и охрана меня пропустит как миленькая.

Сжимая маску в руке, со всех ног бегу наверх, в собственную спальню. Распахиваю в темноте дверцы гардероба, нащупываю то самое вечернее платье, в котором видела себя на вечере в мою честь. В мою честь?..

Горько усмехаюсь: нет никакого вечера в мою честь. Есть сабантуйчик «для своих» с кодовым словом и маскарадной маской.

— По-мо-ги-те! — Алиса бьет ногой в дверь.

Фыркнув, прохожу мимо. Если мерзавке повезет, брат вернется домой вовремя и сможет ее открыть, а в случае, если Максик решит задержаться, красотку ждет вечер в пол-

ной темноте без сотовой связи.

...Так интенсивно я еще ни разу не красилась. Яркие глаза, румянец, темная помада на губах. Из зеркала в ванной комнате на первом этаже на меня смотрит яркая фурия. У меня даже в глазах рябит — настолько я не похожа на себя. Делаю высокий «конский хвост», чтобы еще меньше походить на свой привычный образ. Выходит эдакая дерзкая наездница. Что ж, неплохо.

На часах начало восьмого.

Задумчиво притормаживаю у входной двери. За руль мне нельзя, мою машину могут узнать, поэтому я вызываю такси.

Надеваю норковую шубку и сапожки на высоком каблуке. Выхожу во двор нашего особняка. Морозный воздух опалает щеки и легкие.

«Жди меня, любимый!» — произношу с горькой усмешкой.

Маска у меня с собой в сумке, что в тон сапожкам. Кодовое слово крутится в голове. Выгляжу я весьма неплохо. Судя по масляному взгляду таксиста, весьма и весьма.

Осталось войти в круг «своих» и затеряться на фоне приятной музыки.

— В ресторан «Шик»! — произношу громко и ныряю на заднее сиденье.

Глава 8

Таксист бодро кивает и выстраивает путь в навигаторе, а я оглядываюсь на роскошный особняк, в котором провела последние пятнадцать лет. Второй этаж полностью погружен во мрак. Там несчастная Алиса бьется в истерике под дверью. И почему мне ее совсем не жаль? Я отдала ей пятнадцать лет своей жизни, но в ответ не получила никакой благодарности.

Такси плавно едет по вечернему городу, а я на миг закрываю глаза и вспоминаю, как впервые увидела Алису...

Мне было девятнадцать, когда родители на зимние каникулы отправили меня в Шамони-Монблан, самую известную историческую столицу европейского горнолыжного спорта. Французские Альпы были моей мечтой, и этой поездки я ждала почти год. Оттачивала свой французский и готовилась к ней так, будто я сама — олимпийская чемпионка.

Наконец, это случилось.

Мы с подружкой Лизой получили номер с видом на заснеженные вершины и полную свободу! Может ли быть что-то прекраснее этого, когда твоя жизнь только начинается?

Мы с Лизой вместе ходили на завтрак, где наслаждались горячими блинами и ароматным кофе, а за окнами под тяжестью снежных сугробов шевелились сосновые ветки. Для нас не было ничего живописнее этих пейзажей.

Мы усердно осваивали лыжи, и к концу первой недели у

нас уже неплохо получалось, хотя до асов, носившихся по заснеженным вершинам, нам было ой, как далеко.

В то роковое утро мы тоже отправились покататься на лыжах. Погода стояла просто великолепная: яркое солнце играло лучами на белоснежном покрове, легкий морозец пощипывал нос и щеки. Поднявшись на подъемнике, мы любовались горными пейзажами, делали бесконечные селфи и обсуждали планы на вечер. Мне приглянулся один симпатичный парень из Болгарии, и я набиралась смелости, чтобы познакомиться с ним поближе. Лиза меня поддерживала, у нее тоже не было богатого опыта общения с мужчинами. Мы щебетали и щебетали и все никак не могли встать на лыжи, чтобы заняться делом. Наконец я встала на лыжи. Первый спуск получился по-настоящему захватывающим. С ветерком в волосах я неслась вниз, смеясь и крича от восторга. Лизе повезло меньше: она свалилась в сугроб.

После нескольких удачных заездов солнце пропало, пошел снег, и мы решили сделать перерыв и сходить в уютное кафе на склоне, где нас ждала чашка горячего шоколада с ароматными пирожными.

Но внезапно с одной из вершин сорвалась лыжница — одна из тех асов, до которых нам было далеко. Она совершила просчет. В одно мгновение молодая женщина взлетела вверх, а потом что-то пошло не так, и она кубарем покати-лась вниз.

Мы с подругой стали живыми свидетелями ее падения.

Лыжница разбилась насмерть.

На место трагедии прибыла служба спасения, полиция, все суетились. Шокированные происшествием, мы с Лизой тоже не уходили. В толпе начали перешептываться о том, что погибла жена одного известного бизнесмена.

Рядом с нами терлась маленькая девочка в серебристом комбинезоне. Я сначала думала, что она здесь с родителями. Но люди постепенно расходились. Из взрослых мы оставались последними, а эта малышка так и топталась на месте.

— Рената, идем, выпьем в кафе горячего шоколада, я, кажется, ноги обморозила, — позвала меня Лиза.

Что-то заставило меня задержаться. Я всегда жалела бездомных щенят и котят, а тут ребенок. Я подошла к девочке и присела перед ней на корточки.

— Ты потерялась, малышка? Где твоя мама?

— Мама там. — Она указала на заснеженные вершины.

Мы с подругой переглянулись. У меня по спине пополз неприятный холодок.

— А папа где? — осторожно поинтересовалась Лиза.

Малышка растерялась. Пожала маленькими плечиками.

— А зовут тебя как?

— Алиса.

Я огляделась. Начинало вечереть, а вокруг никого, только мы и Алиса, у которой от холода посинел нос. Увы, мы были не в стране чудес, а у заснеженного склона. Чуда ждать было неоткуда.

И тогда я решительно взяла ребенка за руку.

— Надо найти ее отца. Пойдем в кафе, попросим помощи у персонала?

— Похоже, в суете про девочку забыли, — не могла не согласиться со мной подруга.

В кафе нам быстро помогли. Папой ребенка оказался Игнат Бакаев, известный бизнесмен и муж погибшей лыжницы. Оказалось, что сорвавшаяся со скалы женщина взяла дочку с собой, а муж остался в номере. К тому времени, как мы привели Алису в кафе, ее успели объявить в розыск.

Мне было девятнадцать лет, Игнату Бакаеву — тридцать два. Он был взрослым, состоявшимся мужчиной, а я — невинной девушкой, которая только поступила в архитектурный.

Алисе была нужна ласка и сострадание, и она от меня не отлипала. Понятно, что суровый мужик дать этого в полной мере дочке не мог. Он метался по инстанциям, пытаясь выбить разрешение на перевозку тела жены на родину, а мы с Лизой оказались уж больно впечатлительными — помогали ему чем могли. А если точнее, нянчили его дочку.

Через неделю после возвращения домой Игнат меня разыскал. У нас завязался роман. Я быстро потеряла свою невинность и следующий Новый год встречала в родильном отделении: на свет появился наш с Игнатом сын Максим. Бесконечно счастливый отец носил меня на руках.

А вот официально расписались мы только пять лет спустя.

За те пять лет, что я оказалась запертой в четырех стенах с двумя малышами на руках, произошло много хорошего и плохого. Были скандалы, слезы, сладкие примирения. Игнат оказался собственником. Получив в свое распоряжение молодую жену, он ни за что не хотел меня отпускать. Его раздражало мое маниакальное стремление работать в сфере дизайна, но на кону стояло благополучие дочери, поэтому он всегда отступал.

Алиса росла спокойной девочкой, вплоть до переходного возраста. Когда ей исполнилось двенадцать, в ней что-то сломалось. Она начала меня изводить. Ее ненависть не знала границ, и даже Игнат не мог приструнить расхажившуюся девчонку.

Судя по тому, что произошло пять минут назад, в Алисе за прошедшие шесть лет ничего не изменилось, и я никак не могла понять причину ее отторжения.

Такси мягко притормаживает у ресторана «Шик».

— Оплата спишется с карты, — произношу я, сжимаю в руке странную маскарадную маску с блестками на черном фоне и выбираюсь наружу.

Холодный ветер пронизывает до костей, забирается под кожу и вызывает неприятные мурашки.

А вот и черный внедорожник моего мужа. Я его «Мерседес» где угодно узнаю. Сердце с досадой сжимается. Я окончательно убеждаюсь, что меня слили. Осталось выяснить, ради кого затеяли сабантуйчик.

Я смело достаю маску из сумочки. Что ж, я это обязательно выясню. Сегодня вечером мужа ждет еще один сюрприз: на ужин будет Рената собственной персоной.

Глава 9

Я захожу в холл ресторана «Шик» и тут же погружаюсь в приятную предновогоднюю атмосферу. Музыка лаундж ласкает слух, негромкие разговоры и смех за столиками навевают желание присоединиться. Хочется заказать горячий глинтвейн, устроиться у окна и просто смотреть в темноту —туда, где декабрьский ветер раскачивает голые ветки деревьев.

Осматриваюсь по сторонам, замечаю в правом углу гардероб, а в дальнем левом углу — метрдотеля.

Меня обгоняет парочка сотрудников из строительного концерна «Золотой Век». Весело переговариваясь, они сдают в гардероб верхнюю одежду.

— Виктория сегодня будет отжигать! — слышу обрывки разговора и чувствую, как болезненно сжимается сердце.

Сотрудники надевают маски, что-то шепчут метрдотелю, и он с улыбкой впускает их за отдельную дверь с пометкой VIP, прикрытую плотными шторами из изумрудного бархата.

«Виктория сегодня будет отжигать...» Эта фраза, как стрела, бьет в самое сердце. Что это значит?! Личная помощница будет отжигать на закрытой вечеринке, на которую мне закрыли доступ?! Как за две недели все успело измениться?!

В груди медленно разгорается адское пламя. Я, значит, от-

вези маму мужа в санаторий, постирай шмотки и ужин приготовь, а они будут отжигать на вечеринке, где всем заправляет никому не известная Виктория?

Мне очень больно, но я готова идти вперед. Горькая правда лучше сладкой лжи.

Присматриваюсь. Узнаю в метрдотеле Михаила Володарского, который утром подвозил нас до ресторана.

Начбез тоже в деле? Хм...

Его твердые мускулы проступают сквозь натянутую ткань черного пиджака, черная бабочка сдавливает горло, на котором проступают мощные вены. Кажется, еще немного, и рукава треснут вместе с воротником рубашки, обнажив его великолепное тело. Вообще, красивый мужик, видный. Волосы русые, глаза голубые — все, как я люблю. Во внешности есть что-то от Кевина Костнера, но фигура другая. Он такой русский мишка, большой и теплый. Сейчас, когда начбез без очков и того хамоватого взгляда, возле него инстинктивно хочется погреться.

«Видимо, не одной мне захотелось погреться», — отмечаю с досадой, когда мимо Володарского проплывает очередная фифа из «Золотого Века». Она никак от него не отходит, все трется, трется, глупо хихикает.

«Итак, за две недели моего отсутствия в компании многое изменилось. Новый начбез свел с ума женскую половину «Золотого Века», а мой муж ударился во все тяжкие, приобретя личную помощницу с большой попой», — крутятся в

голове безрадостные мысли.

Фифа в маске наконец отчаливает за шторы из изумрудного бархата, и начбез остается наедине с зеркалом на противоположной стене. Любуется собой, то в профиль, то в анфас, приглаживает русые волосы, ухмыляется. Сам от себя тащится, гад! И не поспоришь: там есть от чего тащиться.

Я медленно надеваю на лицо черную маску с блестками. Чувствую, как дрожат руки. Интересно, он меня узнает? Вряд ли. Я сама на себя не похожа.

Расправляю плечи и уверенно иду вперед. Притормаживаю перед начбезом. Дерзко подмигиваю.

— А вы?.. — Он озадачен. Скользит взглядом по моим губам, по красивому вечернему платью и хмурит брови. Видимо, никак не может сопоставить мой образ с остальными сотрудниками, которые примелькались за две недели. А тут еще маска.

«Попробуй, угадай, малыш!»

Беру его за лацканы черного пиджака, притягиваю к себе.

— Я кошечка, — шепчу игриво ему на ухо. Доверительно улыбаюсь.

Ой, что это с нами?! Кажется, большой мишка смутился?

— Хм... проходи, кошечка. — Его губы против воли растягиваются в широкой улыбке, обнажая белоснежные зубы.

Игриво подергивая своим высоким рыжим хвостом, уверенно иду вперед. Прежде чем нырнуть за изумрудные шторы, на миг оборачиваюсь. Ловлю на себе зачарованный

взгляд начбеза, и сердце тает от восторга. На предыдущую фифу он так не заглядывался.

«Значит, я еще могу очаровать, несмотря на обилие соперниц, которые моложе и наглее?» — размышляю с удовольствием. Чертовски приятно сорвать частичку внимания короля этого вечера! Ведь ясно как день, что король здесь совсем не мой престарелый муж. Трофей — начбез Михаил, недаром вокруг него все трутся.

Поворачиваю ручку двери и оказываюсь в полумраке банкетного зала для VIP-персон.

Оу, как тут атмосферно! На большой сцене, залитой синим цветом, модный ди-джей что-то наигрывает на виниловых пластинках. Стены бара в самом углу помещения украшены мерцающими серебристыми и белыми снежинками. Голубой дым стелется повсюду, создавая загадочную атмосферу. Бармен готовит коктейли в голубоватом полумраке. Разрозненные столики с коктейлями и закусками тонут в голубой атмосфере. Интимно и стильно. Никто никому не мешает, все очень удобно.

Я усаживаюсь на высокий стул за барную стойку, и услужливый бармен тут же подносит мне коктейль в красивом высоком бокале. Неудивительно, коктейли тоже голубоватого цвета. Пробую на вкус — приятно. Что-то похожее на бабл-гам, мяту и какой-то третий, едва уловимый ингредиент.

Достаю из сумочки мобильник. Там мерцает сообщение от моей подруги Карины Веденеевой.

«Рената, ты где?»—приходит от нее эсэмэска.

Грустно улыбаюсь. Неужели бедняжка не в курсе, что я на этом вечере persona non grata?

«А я уже внутри, — быстро пишу ответ. — Подходи к барной стойке».

«Беги к тебе».

Бармен посматривает на меня и улыбается.

— Как вам наш фирменный коктейль?

Я приподнимаю бокал.

«За тебя, малыш!»

— Великолечно. Никак не могу уловить третий ингредиент. Что в нем? — интересуюсь для поддержания разговора.

— Абсент, — поясняет он. — Это мой собственный рецепт. Я назвал коктейли «Виктория», в честь королевы этого вечера. Вам, правда, нравится?

— М-м-м, еще как!

Я никогда не пробовала абсент, но кажется, еще немного, и меня стошнит от названия. Такое чувство, будто я только что попробовала соперницу на вкус.

— Только не увлекайтесь: коктейли очень крепкие, — доверительно делится бармен.

— Спасибо, что предупредили.

Делаю еще пару глотков и ощущаю, как начинает кружиться голова. Кажется, насчет крепости бармен не соврал.

Внезапно в зале меркнет синий свет. Яркими софитами вспыхивает сцена. Ди-джей замолкает, и на сцену под бара-

банную дробь выходит ОНА...

Глава 10

О, да это та самая дамочка с фотографии, присланной Алисой Максу в обед!

Новая помощница моего мужа плывет, будто пава, в свете софитов. На ней блестящее голубое платье, украшенное по низу оборками, и сверкающие стрипы на платформе. Руки украшены браслетами, в ушах крупные серьги.

Свой выход Виктория начинает с танца. Под зажигательную испанскую мелодию она выдает такие откровенные па своими объемными бедрами, что я едва не роняю бокал с коктейлем.

Подиум со всех сторон взрывается сценическим фейерверком. За сценой вспыхивает огромный экран, который транслирует Викторию во всей красе.

Стоп, приехали! Эта стерлядь с огромным задом — профессиональная танцовщица?!

«Мой муж запал на танцовщицу?! — пламенеют в горячем абсенте мои мысли. — Или на стриптизершу?!» — изумленно поправляю себя после еще нескольких откровенных движений новой королевы нашего концерна.

Публика ликует. Аплодирует стоя.

Под громкую барабанную дробь на сцену выходит мой благоверный. Он в облегающей рубашке насыщенного синего цвета и черных брюках. На ногах жесткие туфли, из тех,

что обычно носят танцоры на сцене, когда исполняют танец Фламенко.

Отстукивая жесткой подошвой туфель под барабанную дробь и под аплодисменты окружающих, Игнат равняется с королевой бала. Он с нежностью целует ей руки и увлекает за собой в танце.

Они танцуют вдвоем. Отбивают ритм каблуками, красиво двигаются. В их танце столько страсти, что мне хочется заползти под барную стойку, обхватить колени руками и выть, но я держусь — наверное, благодаря очень крепкому коктейлю, который начинает пробираться в мозг и сметать все барьеры.

Подверженный атаке абсента мозг отказывается воспринимать новую информацию. Мой муж профессиональный танцор?! Судя по ритмично движущейся паре по сцене, еще какой! Но как? Когда? Почему он так хорошо танцует? Ведь, чтобы так четко двигаться, надо долго и много репетировать.

— Дамы и господа, несравненная Виктория! — громко сообщает в микрофон Игнат. — С днем рождения, моя хорошая!

Чмокает ее в губы, а эта дрянь жеманно хихикает.

— Спасибо, Игнатик! Ты знаешь, мое сердце навсегда у твоих ног! — выдыхает в микрофон, пытаясь перевести дыхание.

Такой обмен любезностями окончательно втаптывает в грязь мою жизнь за последние пятнадцать лет.

Они игриво ласкаются на сцене, а я чувствую, как мое бедное сердце разбивается вдребезги.

«Игнатик», надо же! Да мой муж даже Фриде не позволяет так себя называть, а тут, оказывается, можно и Игнатином побыть, эдаким осликом Иа-Иа, который позволяет гладить себя по шерстке непонятной девице в туфлях для стриптиза! Его даже не заботит, что подумают об этом участники тайной вечеринки!

И тут, как вишенка на торте, в руках у моего мужа мелькает та самая белая коробка, в которой лежит кольцо.

— С двадцатипятилетием, душа моя! От лица всего коллектива и от меня лично прими это кольцо! — громко произносит Игнат и, открыв коробку, извлекает оттуда кольцо с бриллиантами. Затем подносит его к шее своей помощницы, а я медленно покидаю барную стойку.

Сжимая в руке бокал, до краев наполненный голубоватым пойлом, я шаг за шагом приближаюсь к голубкам. Они слишком заняты собой и, конечно же, не обращают внимание на мою персону, вынырнувшую из тени зала.

У меня в голове шумит одно: размазать, растоптать!

В глазах темнеет от злости. Обида обжигает легкие, выжигает грудную клетку, и я в мгновение ока подскакиваю к мужу и его танцовщице.

Шумно выплескиваю голубую жидкость ей в лицо. Остатки летят на фейс моего благоверного.

Я в таком шоке, что плохо фиксирую происходящее. Вик-

тория морщится, кричит что-то вроде «Глаза! Глаза!», и я с удовлетворением подмечаю, как по ее напыщенному лицу стекает профессионально наложенный макияж. Пытаясь открыть глаза, она их трет, чем еще больше усугубляет ситуацию с макияжем.

Игнатик скачет по сцене в своих грохочущих туфлях, тоже пытается вытереть глаза, чтобы снова видеть. Видимо, в коктейль добавлено что-то такое, что сильно щиплет глаза.

В зале начинается суматоха. Возмущенные возгласы, вскрики. Последнее, что я замечаю — это бегущего к сцене начбеза. Он на ходу срывает с шеи черную «бабочку», которая перекрывает доступ кислорода в легкие, красиво швыряет ее на пол и проталкивается через толпу прямо ко мне.

К горлу подкатывает тошнота. Я понимаю одно: надо уходить. Заметив вдалеке мерцающую надпись «Выход», я бросаюсь к двери и запираю ее на щеколду снаружи. Удивительно, какой сообразительной становишься, когда на хвосте сидит качок из службы безопасности, а у тебя нет билета на это шоу!

Пока Михаил мощным плечом бьется в дверь изнутри, длинный темный коридор и невыносимая тошнота ведут меня вперед. Кажется, я еще ни разу не бегала с такой скоростью. Учителя физкультуры в школе гордились бы мной.

Сворачиваю за угол и — о счастье! — вижу дверь с пометкой WC.

Вваливаюсь на ходу туда, и едва успеваю запереться в од-

ной из кабинок дамской уборной, как меня выворачивает.

Фу, как стыдно и гадко! Видимо, мой желудок не смог переварить любовницу мужа, именем которой назвали коктейли.

Голова кружится, я прижимаюсь спиной к стене и пытаюсь отдышаться.

С ума сойти... Такое чувство, что я случайно попала на чужой праздник жизни. У меня украли молодость, сделали нянькой капризной девчонки, не дали шанса найти достойного мужчину... Как же горько, как больно! Пятнадцать лет положено на алтарь семейной жизни, и каков итог? Танцовщица с большой попой заняла мое место?.. Так, стоп. На коробке с колье была надпись. Что-то про «спасибо за детей». Если колье вручили Виктории, это значит, что у нее есть дети от Игната?

«Не-е-е-ет!» — верещит мой мозг, и тошнота темной волной подкатывает к горлу, заставляя склониться над белым фаянсовым другом.

Дверь дамской уборной громко хлопает. Слышу стук каблучков и замираю. Интересно, кого еще стошнит от фирменных коктейлей «Виктория»?

— Нет, ты представляешь?! — узнаю голос нашей главы финотдела Софы Меркушевой, той самой, которая покупала это колье. — Этот мерзавец подарил колье не мне!

Я прижимаюсь спиной к прохладной стене. Хлопаю глазами. Так, стоп... Или я что-то не так расслышала, или?..

Начальница финотдела — друг нашей семьи. На каждый день рождения ее сыновей-близнецов мы ходим вместе с Игнатом и нашими детьми, дарим подарки, долго сидим за праздничным столом. То же самое делает София Меркушева. Каждый семейный праздник Бакаевых она с детьми у нас в гостях! Ее мальчишкам по семь лет, в этом году они пошли в первый класс. «ЕЕ СЫНОВЬЯ — ДЕТИ ИГНАТА?!» — мерцает крупными буквами новое озарение в моем поврежденном голубым абсентом разуме.

— Я была уверена, что он наконец отблагодарит меня за годы верности! За детей, которых я ему подарила... А он... он выбрал потаскуху в туфлях для стриптиза, да еще и отчитал меня за неправильную надпись на коробке, представляешь?! — продолжает всхлипывать в трубку подруга нашей семьи. — Заставил ехать в ювелирный магазин и менять!

Все. Мои эмоции снова берут вверх над разумом. Я распахиваю дверь. Срываю маску с глаз.

— Рената? — в испуге шепчет Софа.

— Дети... его? — хриплю я. — Игната?..

Глава 11

Софа прячет мобильник в сумочку, пятится к стене.

— Прости! Умоляю, прости... Ты не должна была узнать...

— Семь лет?.. — хриплю я. — У вас с Игнатом семь лет длится роман за моей спиной?

Она в отчаянии. Прячет глаза.

— Я все ждала, когда он с тобой разведется, а он все никак.

— И чем ты аргументировала свое ожидание?! Почему он должен был со мной развестись?!

— Тем, что я подарила ему двух сыновей, а ты — одного! Я потрясена. У меня просто нет слов.

— О нет! Я ведь считала тебя другом семьи... Какая же я глупая! Надо было задуматься, почему ты растишь детей одна...

Губы Софы изгибаются в горькой усмешке.

— Да какая теперь разница? Он нас обоих слил в утиль. Мы в одной лодке, понимаешь?

Я смотрю на нее во все глаза. Говорила же мне мама: «Если у тебя богатый муж, будь начеку! Подруг не бывает, есть соперницы».

Облизываю губы, пытаюсь выровнять дыхание. Главное — держать марку. Не наброситься на Софу и не начать ко-

лошматить ее сумочкой. Я ведь смогу? Я смогу...

— А эта дама, с которой он отплясывал на сцене... давно у него с ней?

Софа качает головой.

— Он притащил ее на работу в тот день, когда ты с его матерью отчалила в санаторий. Сказал всем, что она его родственница. Кстати, ты знаешь, что никакого санаторного лечения Фриде не требовалось? Игнат хорошо заплатил ее терапевту, чтобы убрать тебя на время из офиса.

— Откуда ты знаешь?

— Я случайно подслушала его разговор по мобильнику с тем самым терапевтом.

— Даже так?

Кажется, мой запал иссяк. Выбрасываю маску в урну и медленно поворачиваюсь к выходу.

Софа хватает меня за руку.

— Рената, мы в одной лодке! — умоляюще лепечет она. — Ты же видела, как он смотрит на эту Викторию? Нам бы объединиться, чтобы защитить детей! Подумай о сыне, Рената!

Я на миг закрываю глаза. Перед глазами всплывает образ сына. Мой Максим, мой любимый мальчик с ямочками на щеках, который так быстро растет.

— У меня есть план, Рената, — не унимается «подруга семьи».

— Знаешь, что, Софа? Отвали! — рычу в отчаянии.

Выхожу из дамской комнаты и иду к гардеробу. Мне больше нечего делать на этом празднике жизни.

У гардероба натыкаюсь на Карину.

— Рената, ну наконец-то я тебя нашла! — Подруга хватается меня за руки и тут подмечает неладное. — Постой-ка, с тобой все в порядке?

Я несколько мгновений смотрю на нее. Для меня сейчас все, кто со мной работает — предатели.

— Почему ты мне не сказала, что у моего мужа роман с новой секретаршей? — колко интересуюсь я.

— Роман? — Карина удивленно приподнимает бровь. — Как — роман?! Он сказал всем, что новая сотрудница — его близкая родственница! А насчет сегодняшней вечеринки... Я надеялась, что она в твою честь и что ты проведешь меня украдкой, ведь меня не приглашают на такие мероприятия.

Я вздыхаю, достаю номерок из сумочки и отдаю его гардеробщице.

— Меня тоже не пригласили, — сообщаю подруге с усмешкой. — Я случайно узнала о дресс-коде и тайном слове. Оказалось, что вечер для новой сотрудницы. У Игната с ней роман. Пойдем уже отсюда, не хочу оставаться там, где мой муж чествует любовницу!

— Не может этого быть! — Она ошеломленно хлопает глазами.

— Я тоже так думала, но... — Не договорив, просто надеваю шубку, и вскоре мы с Кариной оказываемся у парковки

перед рестораном «Шик».

Декабрьский ветер бьет в лицо. Зябко и неприятно. Карина с сочувствием смотрит на меня, берет под руку.

— Я на машине, Рената. Хочешь, поедem в какое-нибудь тихое место и просто посидим, выпьем по чашке горячего шоколада?

Я киваю.

— Хочу.

— Поехали в «Кофетайм»? Они работают до двадцати трех часов, и сейчас будет тихо.

— Поехали.

Она сжимает мою руку, а я... кажется, еще немного, и я разрываюсь прямо здесь, у парковки.

Глава 12

«Не смей плакать!» — приказываю себе. Нет, в самом деле, я же сильная? Не позволю, чтобы кто-то из «своих», чувствующих любовницу моего мужа, увидел меня плачущей у входа в ресторан.

Мы с Кариной садимся в ее старенькую белую «Kia». Она включает печку и радио. Из колонок льется какая-то приятная музыка (кажется, что-то из джаза, я плохо соображаю).

Я настолько дезориентирована, что не знаю, как мне быть дальше. Бросаться грудью на амбразуру не вижу смысла: Игнат везде на коне, а я всего лишь жена. Все, чего я смогла добиться — это хорошей карьеры, и то исключительно благодаря его снисходительному отношению к этому вопросу. Мой муж всегда считал мою работу чем-то вроде развлечения. «Кто-то любит вышивать, кто-то — готовить, а моя жена обожает создавать уют», — часто приговаривает он на банкетах, по-отечески похлопывая меня по плечу. И ни слова о моих достижениях, о том, что я признанный архитектор, и о том, что в округе нет дизайнера круче, чем Рената Бакаева.

— Когда ты взяла отпуск и увезла в санаторий свою свежую кровь, на планерке наш генеральный представил всем своего нового личного помощника. Пошли слухи, что это его родственница. Ни о какой его с ней связи речи не было, понима-

ешь? — Карина разводит руками. — Держится в офисе эта Виктория строго и официально, хотя... как знать, что у них там творится за плотно прикрытой дверью?

Я всхлипываю. Закусываю кулак, чтобы не разрыдаться.

— Прости... — Карина виновато поглядывает на меня.

— Я не хотела тебя расстроить.

— Ты ни при чем. — Я снова всхлипываю. Все же дала слабину, не в силах сдержать рвущуюся наружу боль. — Просто... это так мерзко, так гадко! Почему бы ему не сказать мне правду в лицо? «Я тебя разлюбил, давай разведемся». Но нет, вместо этого меня посылают в санаторий с капризной свекровью, которая кого угодно сведет с ума своими выходками!

Подруга сочувственно поглаживает меня по руке, а мои плечи трясутся от рыданий.

Не знаю, сколько длится моя истерика. Может, минуту, а может, пять. Горькие всхлипы рвутся из груди, и они больше похожи на стоны. Слезы катятся по щекам бесконечным потоком, и я не в силах их остановить. Меня даже не волнует тот факт, что потекла тушь. Кому она нужна, когда рухнула семейная жизнь?

Наконец мне удастся вдохнуть полной грудью.

— Кажется, все. — Я неловко оттираю мокрые щеки и лезу в сумочку за бумажными платочками.

Поднимаю глаза и тут понимаю, что «Kia», в которой мы сидим, припаркована как раз за крутым внедорожником

«Мерседес» моего мужа. Замечаю небрежно брошенную на заднее сиденье женскую шубку из голубой норки. Точно не моя, и никак не может принадлежать Алисе, а значит, шубу забыла танцовщица Виктория. Осознание того, что Игнат привез любовницу сюда на машине, которую я всегда считала по праву только нашей, семейной, врежется, будто острый нож, в мое истерзанное сердце. Оно и так кровоточит, но этот последний удар оказывается особенно болезненным.

— Так и спалила бы его тачку вместе с шубой любовницы! — рычу в отчаянии и сжимаю кулаки с такой силой, что ногти впиваются в ладони.

Карина напряженно сглатывает.

— У меня в багажнике есть канистра с бензином, — распахнув глаза от страха, доверительно шепчет она. — Я вожу с собой бензин на всякий случай, с тех пор как были перебои на заправках, помнишь?

Киваю на автомате: кто же не помнит бензиновый коллапс, случившийся несколько месяцев назад? Поставки наладили, но с тех пор каждый уважающий себя автолюбитель держит канистру про запас.

Карина выходит из машины, открывает багажник и вскоре заталкивает на заднее сиденье большую канистру.

— Вот, канистра для бензина, пять литров, — уверенно сообщает она, а потом ныряет обратно на водительское сиденье.

В салоне пахнет бензином: видимо, канистра заполнена

до краев.

Я несколько мгновений созерцаю номер на крутом авто Игната. В глазах темнеет от горя, злости и отчаяния. Нет, не так я представляла себе жизнь с мужем, совсем не так! Но перед глазами стоит яркий, полный страсти танец фламенко, который он исполнил на сцене с другой женщиной, и сердце сжимается от боли. А шуба соперницы переливается дорогим мехом, как знамя победы, на заднем сиденье «Мерседеса», который я считала своим.

— А отгони-ка свою «Kia» отсюда подальше? — цежу хрипловато.

Карина пронзительно смотрит на меня. Я чувствую, как дрожат ее руки.

— Это же... не преступление? — сбивчиво от волнения шепчет она.

— У тебя есть зажигалка? — вместо ответа интересуюсь я.

Карина трясет головой.

— Нет. — И тут же добавляет шепотом: — Но есть спички для розжига камина. Тридцать штук. Муж просил меня их купить.

Мы с подругой переглядываемся. Я — примерная жена и мать двоих детей, ответственный сотрудник компании «Золотой Век». Я всего однажды получила штраф за парковку в неположенном месте, да и то припарковалась я исключительно потому, что в машине укачало моего младшего ре-

бенка. И у меня нет объяснения, почему моя рука сама собой тянется за каминными спичками и канистрой бензина...

Глава 13

Карина перехватывает мою руку.

— Рената, может, все же не стоит этого делать?

— Не стоит? Это наш семейный внедорожник! В голове не укладывается, что кроме меня, детей и Фриды он возит на нем новую помощницу, а та вольготно оставляет свою шубу на заднем сиденье! Поэтому просто отгони машину и не мешай.

Карина медленно поворачивает ключ в зажигании. Старенькая «Кia» плавно отъезжает за угол многоэтажки.

— Жди меня здесь, — шепчу я.

Накидываю на голову капюшон, так, чтобы не выбилась ни одна рыжая прядь, забираю каминные спички и выбираюсь из авто. Вытягиваю с заднего сиденья канистру. Подумаешь, каких-то пять литров? Я и тяжелее таскала.

Нет, я никогда в своей жизни не совершала правонарушений осознанно, но сейчас уверенным шагом иду обратно к парковке.

Вот он, красавец внедорожник, гордость Игната Бакаева! Любимый «Мерседес». Есть еще «Феррари», ее Игнат держит в гараже и берет исключительно в особые дни. «Феррари» он бережет, как любимую женщину: пылинки с нее сдувает и никому не разрешает к ней прикасаться.

Но я нацелилась на его «Мерседес». Оглядываюсь. Удиви-

тельно, мне везет: именно в этот момент на парковке никого нет. Открываю канистру и щедро поливаю машину со всех сторон. Лью на лобовое стекло, на дверцы, с какой-то маниакальной сосредоточенностью щедро поливаю задний бампер. Со стороны может показаться, что я старательно отмываю машину от грязи. Лишь едкий запах бензина печет глаза. Воображение рисует яркие картины страсти. Вот Виктория стонет на заднем сиденье в объятиях моего Игната, и на ней нет ничего, только шуба едва скрывает голые плечи и огромный зад, а на ногах у нее туфли для стриптиза... В глазах темнеет. Нет, не позволю им и дальше водить меня за нос!

Канистра пустеет, и я ловко закручиваю крышку. Оставлять улики на месте преступления я не планирую. Чиркаю большой каминной спичкой и бросаю ее на лобовое стекло.

Бензин вспыхивает мгновенно. Я едва успеваю отбежать в сторону, а «Мерседес» моего мужа уже охвачен огнем.

Любуюсь пламенем, жаль, что всего несколько мгновений: из ресторана выбегает охрана, и я понимаю, что надо уходить.

Я едва успеваю добежать до угла многоэтажки, как раздастся оглушительный хлопок.

Дрожащими руками открываю дверцу автомобиля «Kia» и ныряю на переднее сиденье.

— Поезжай, Карина, — сиплю хрипло. А подруге и не нужно второго приглашения. Она с ошалелыми от происходящего глазами жмет на газ, и машина въезжает во двор.

Вслед за еще парой легковушек мы идем на разворот, вливаемся в поток машин и чинно проезжаем мимо ресторана «Шик». Второй оглушительный взрыв разносится по округе, и от него закладывает уши.

Кроме внедорожника «Мерседес» пламенем охвачено стоящее рядом дерево.

На пороге ресторана появляется мой благоверный. Он все в той же синей рубашке с блестками и туфлях для испанских танцев.

Выражение его лица не передать словами! Оно бесценно! «Что с лицом, любимый?» — так и хочется прокричать, нажав на стеклоподъемник, но я сдерживаюсь.

Теперь в своих туфлях для фламенко Игнат отплясывает вокруг полыхающей машины, орет во всю глотку самые грязные ругательства из всех возможных, но пламя каким-то образом перекидывается на сиденья и жадно пожирает обивку изнутри.

Мы с Кариной напряженно переглядываемся. Адреналин отпускает, и теперь меня трясет, как в лихорадке. Зуб на зуб не попадает. Не могу поверить, что это я устроила пожар на парковке!

Охрана бежит по кругу и беспомощно размахивает огнетушителями. Во главе этой бестолковой бригады Михаил Вологодский. Сорвав с себя пиджак, он пытается сбить им пламя, которое безжалостно пожирает висящую на дереве камеру наблюдения и «Мерседес» моего мужа.

— Какой красавчик! — восхищенно вздыхает Карина. — Жаль, что я замужем.

— И что ты в нем нашла? По мне, так он смахивает на стриптизера! — бурчу я.

— Что ты, какой стриптизер?! Наш начбез — вылитый тайный агент ноль ноль семь!

Из ресторана выбегает королева вечера Виктория в синем платье с оборками и неубиваемых стрипах.

— Шуба-а-а! Там шуба-а-а! Спасите шубу! Она в кредите-е-е-е! — верещит любовница моего мужа и дико вращает своими объемными бедрами — наверное, от стресса.

— А нечего было в моем семейном автомобиле ее оставлять! — бурчу тихонько себе под нос.

Глава 14

Нам навстречу с громкой сиреной несутся две пожарные машины. Только «мерсу» Игната уже не помочь.

Карина сосредоточенно ведет авто, а я наконец прихожу в себя. Вот теперь мне по-настоящему страшно за свою глупость.

«Зачем я это сделала? Подумаешь, шуба любовницы была на заднем сиденье?» — скулю мысленно.

«Зато шуба сгорела», — летит шальное удовлетворение.

«Далась мне ее шуба!»

«Но то, что она в кредите, весьма странно. И как Игнатик не успел приодеть к зиме свою стерлядь?»

Карина притормаживает у «Кофетайм», прерывая мои мысленные баталии с совестью.

Мы не сговариваясь одновременно покидаем машину и заходим в кафе. Понимаем друг друга без слов. Такое чувство, что мы с ней каждый день совершаем поджоги.

Заказываем горячий шоколад и пирожные, а потом просто молча сидим за столиком. Пытаемся переварить содеянное и осознать масштаб ответственности в случае, если кто-то нас видел.

Я накрываю руку подруги своей рукой.

— Не переживай, в случае чего я всю вину возьму на себя.

Она молчит. В шоке, бедная. Я и сама немного не в себе. Трудно всю жизнь быть до тошноты правильной, а потом внезапно перейти на темную сторону.

Ковыряю ложкой пирожное «корзиночка» со взбитыми сливками и морально готовлюсь к тому, что под утро в дом нагрянет наряд полиции. Только я без боя не сдамся: «мерс» куплен в законном браке, а значит, я имею полное право на половину сгоревшего авто. Да и камера, что висела на дереве, благополучно сгорела, мы же видели, как Вологодский безуспешно пытался сбить пламя. Так что, если полиция и нагрянет, то исключительно для того, чтобы уточнить некоторые вопросы. «И вообще, дело семейное, Игнат, скорее всего, постарается его замять», — успокаиваю себя.

А если правда всплывет наружу, то представляю заголовки в новостных интернет-пабликах:

«Объятая ревностью жена известного бизнесмена Игната Бакаева спалила его машину и шубу любовницы!»

И фото обезумевшего Игната, прыгающего вокруг пылающей машины в дурацких туфлях для танцев.

Да уж, неловко получилось...

«Если правда всплывет, надо будет как-то объяснить все сыну. Надеюсь, он меня поймет», — размышляю угрюмо.

Мобильный в моей сумочке звенит громким вызовом. Смотрю на экран — от Фриды. Обмираю от страха: неужели началось?

— Ренаточка, а ты где? — вкрадчиво интересуется моя

свекровь.

— Вышла за хлебом, скоро буду, — брякаю первое, что приходит в голову.

Карина давится глотком горячего шоколада.

— Ой, что же ты не сказала, что идешь за хлебушком? Я бы тебе бутылку кефира заказала! — сокрушается Фрида. — Ну да ладно. Тут беда приключилась, Рената: Алиса пыталась вылезти из окна на втором этаже и нечаянно сорвалась с крыши. Похоже, она сломала ногу.

— Зачем она выбралась на крышу? — изумляюсь я. — Жить надоело?! Ни на минуту нельзя оставить!

— А Игнатик почему-то не берет трубку, — игнорируя мои стенания, сетует она.

— Занят, наверное? — сдавленно предполагаю я.

Подруга стыдливо прячет взгляд в чашке горячего шоколада: уж она в курсе, чем занят наш генеральный.

— Да о чем речь?! Конечно, занят! Трудится, как пчелка, днем и ночью, и все в дом, все в дом! Такой умница! Не знаю, как бы вы без него жили! — делает лирическое отступление от темы свекровь. — В общем, без него справимся. Я вызвала «скорую помощь». Сейчас поеду с Алисой в ближайшую больницу, а ты сразу поезжай за нами, — командует она и бросает трубку. Любит Фрида это дело — резко обрывать разговор на полуслове, чтобы собеседник на другом конце почувствовал себя идиотом.

Несколько мгновений я сижу, гипнотизируя взглядом

экран мобильного.

— Рената, а кто кроме меня знает, что ты сегодня была в ресторане? — вдруг спрашивает Карина и смотрит на меня так внимательно, что у меня мороз по коже от ее взгляда.

— Только Софа, — вспоминаю я.

— Значит, так: Софу я беру на себя, за ней должок, — сжав мои пальцы, сбивчиво тараторит подруга. — А тебя в «Шике» сегодня не было! Ты ходила за хлебом, а потом задержалась со мной в «Кофетайм». Я сказала мужу, что еду за каминными спичками и новым пледом для дивана: мы с ним под Новый год решили освежить гостиную. Так что все сходится: я купила спички и плед, ты пошла за хлебом, а потом мы с тобой решили посидеть за чашкой горячего шоколада и обсудить последние сплетни, что неудивительно: мы ведь две недели не виделись! А в ресторане «Шик» нас с тобой быть не могло!

Мы с Кариной хорошие подруги. Смотрим друг другу в глаза и почти не дышим от внезапного озарения.

В моей груди вспыхивает надежда на чудо.

— Не могло, согласна, — киваю медленно.

Глава 15

— А переписка? — спохватывается подруга.

— Переписка?..

Следующие пять минут мы с Кариной сверяем переписку в телефоне. Вроде бы ничего особенного друг другу мы не писали. Можно подумать, что искали друг друга у «Кофетайм», здесь даже барная стойка имеется.

— Поезжай в больницу за падчерицей, а завтра утром придешь на работу как ни в чем не бывало, — предлагает Карина. — Придется немного поиграть перед мужем роль наивной глупышки, пока не застукаешь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.